

(1)Первое появление Сан Саныча запомнилось не случайно. (2)По программе на этом уроке полагалось начинать «проходить Толстого». (3)Мы и начали. (4)Но как!

(5)Не было ничего сказано ни о мировом значении нашего самого великого классика, ни о его биографии — родился-умер, что написал, что говорил о других, что говорили о нём, — ничего, что полагалось бы и потому было ожидаемо, не случилось.

(6)Уже через несколько минут новый учитель оседлал первую парту — лицом к классу, ногу на скамью, и, раскрыв томик Горького, стал неторопливо и вразумительно читать по нему очерк о Льве Толстом.

(7)Мы, что называется, оторопели. (8)Оторопели прежде всего от непривычности проявленного к нам доверия: можно слушать, можно и отключиться. (9)В классе повисла абсолютная тишина. (10)Захватила сама увлекательность такого труда — только слушать, а не записывать, и не напрягаться для ответов, не тосковать от обязательности запоминания. (11)А ещё захватила магия звучащего мастерского литературного слова, которое в исполнении чтеца как будто разогревало воздух, погружало нас, слушающих, в гипнотическую словесную ауру.

(12)Добавлю, что весьма непростая эта литературная вязь была адресована нам без скидок на нашу возможную неготовность оценить её по достоинству. (13)Тем не менее, слушайте, тянитесь, верьте в себя — это теперь принадлежит и вам тоже!

(14)Так можно было понять, да так и хотелось понимать происходящее.

(15)В очерке Горького много таких деталей, таких живых и точных описаний, что Толстой делается буквально видимым. (16)Учитель верно рассчитал, что если захотеть заразить образом живого Толстого без лишних, как говорится, слов, то надо озвучить слова, расставленные на бумаге Максимом Горьким, исполненные тогда ещё, когда великий Лев был жив или сразу после того, как он ушёл...

(17)В центре нищей и хулиганистой Марьиной Рощи, в оторопевшем от предложенных ему гуманитарных горизонтов классе, сплошь состоящем из всегда голодных, обношенных и при этом, конечно, искрящихся тайным подростковым зовом непременно состояться ребяташек, в таком вот классе звучал удивительный текст об удивительном их соотечественнике. (18)«Видел я его однажды так, как, может быть, никто не видел: шёл к нему в Гаспру берегом моря и под именем Юсупова, на самом берегу, среди камней, заметил его маленькую, угловатую фигурку, в сером, помятом тряпье и скомканной шляпе. (19)Сидит, подперев скулы руками, — между пальцев веют серебряные волосы бороды, — и смотрит вдаль, в море, а к ногам его послушно подкатывают, ластятся зеленоватые волнишки, как бы рассказывая нечто о себе... (20)В задумчивой неподвижности старика почудилось нечто вещее, чародейское, углублённое во тьму под ним, пытливо ушедшее вершиной в голубую пустоту над землёй, как будто это он — его сосредоточенная воля — призывает и отталкивает волны, управляет движением облаков и тенями, которые словно шевелят камни, будит ил... (21)Не изобразить словом, что почувствовал я тогда; было на душе и восторженно и жутко, а потом всё слилось в счастливую мысль: "Не сирота я на земле, пока этот человек есть на ней!"

(22)Не сиротами были и мы, потому что был этот человек.

(23)Сан Саныч пронзил нас Толстым — с помощью горьковского текста...

(24)Позже нашу школу сделали "с математическим уклоном". (25)К тому времени класс Александра Александровича Титова давно с ней распрощался (26)Он и не вписался бы в неё, поскольку сложился в конце концов образцово гуманитарным. (27)И не могло быть иначе. (28)Мы становимся теми, кто нас учит.

(По Д. Орлову)